

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 2 МАРТА

Допрос подсудимого Гринько*

Допрос подсудимого Чернова

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Гринько, вы подтверждаете те показания, которые вы давали на предварительном следствии?

Гринько. Подтверждаю целиком и полностью.

Вышинский. Подсудимый Гринько, расскажите суду о своей преступной деятельности.

Гринько. Для того, чтобы был ясен тот путь, по которому я пришел к совершению преступной деятельности, мне необходимо напомнить, что я вошел в коммунистическую партию в составе борющихся — украинской националистической организации. Значительное ядро из руководящего состава борющихся — Шумский, Полос, Блаватный, я — Гринько, Любченко и другие, — входили в КП(б)У, сохраняли, а затем и обострили свои буржуазно-националистические позиции.

В 1925 г. — 26 г. шумским, по совету друга, являлся апропомой отрядами Украины от СССР, пропартийно-буржуазно-националистический реставрацион на Украине. Уже тогда это была своего рода большая политическая разведка националистов, проба сил, требование дискредитации русских городов на Украине, дискредитации русских кадров и т. д.

Шумским был разработан политический и подрывной организации.

После разгрома этой националистической организации остались лишь ее осколки. Но, например, в 1929 году уже в Москве возродилась националистическая организация в составе Шумского, меня, Полоса, Максимовича, Солодуба и ряда других. Эта организация уже иначе подходила к своей программе, и в своей тактике, нежели это было в первый период. В этот второй период украинская националистическая организация уже целиком становится на позиции правых в общеполитических вопросах, то есть на позиции борьбы против индустриализации и коллективизации. В этой борьбе мы уже имели связь с некоторыми кругами одного враждебного Советскому Союзу государства. Эти наши союзы помогали нам. Для поддержки партизанской борьбы они ускорили переброску на Украину диверсантов, пеленорывших эскадронов, оружия и так далее.

Вышинский. Вы активно участвовали в организации переброски оружия и прочем?

Гринько. Я был в курсе этих переговоров.

Вышинский. Руковоили этим делом?

Гринько. Руководил.

Вышинский. Продолжайте.

Гринько. Этот период закончился в начале 1933 г. в связи с арестом почти всей группы. Тогда не был арестован один я. Но я не сложил своего националистического оружия в своей борьбе против советской власти. К этому периоду относятся начало моей личной связи с фашистскими западными организациями. Эта связь была направлена к установлению контактов в целях подготовки отторжения Украины от СССР и организации борьбы против советской власти.

В начале 1935 года мне от Любченко стало известно о создании на Украине национал-фашистской организации, поставившей себе целью отторжение Украины от СССР и расчленившей на помощь военной интервенции со стороны сил и элементов, с которыми у меня в то время была персональная связь. Национал-фашистская организация ставила также своей задачей соединиться с «право-троцкистским блоком», установившим связь с военными заговорщиками.

Когда мне стало известно об этой организации, я дал согласие на вступление в нее. На меня была возложена задача установления связи с «право-троцкистским блоком», с правительственными кругами некоторых враждебных советской власти государств и содействие Любченко в развитии этой работы на Украине.

Организация к тому моменту уже начала приготавливаться, как национал-социалистическая организация. Любченко рассказывал мне о центре этой организации на Украине, куда входили Любченко, Порайко и другие. Он рассказывал, что в этом центре дискутировались вопросы о характере партийной организации и о типе украинского государства. По словам Любченко, организация стала на путь создания централизованной партии по типу национал-социалистической партии. В случае успеха, организация предусматривала создание буржуазного украинского государства по типу фашистского государства.

Как я выполнял те задачи, которые были возложены на меня этой национал-фашистской организацией?

Во-первых, связь с «право-троцкистским блоком». Связь эта пошла у меня по такой линии — Гамарник, Пятаков, Рыков. Одновременно выполнялись внешне-политические задачи, поскольку у Пятакова, и Гамарника рассказывали мне, что Троцкий

договорился по поводу компенсации за счет Украины за военную поддержку нашей борьбы против советской власти.

Вышинский. Расскажите о вашей связи с Рыковым, в чем она заключалась?

Гринько. Заключалась она в том, что украинская организация стала под командой «право-троцкистского центра».

Вышинский. В чем это выразилось?

Гринько. Это выразилось, во-первых, в том, что украинская организация получила задания от «право-троцкистского центра». Я, как член этой организации, получил задание от Рыкова. В 1935 году, в начале 1936 года много в основном были выполнены те задачи, которые были на меня возложены украинской организацией. Я установил связь с «право-троцкистским центром». Через Крестинского установил связь с фашистскими кругами одного из иностранных государств.

Вышинский. Когда все это было?

Гринько. Конец 1935 года, начало 1936 года.

Вышинский. А до 1935 года у вас лично не было связей с какими-нибудь фашистскими кругами?

Гринько. Были, с конца 1932 года.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, вы слышали эту часть показаний?

Крестинский. Слышал, но не с какими фашистами я его не связывал, я его знал как с деловыми людьми.

Вышинский. (обращаясь к Рыкову). Вы подтверждаете эту часть показаний, где Гринько делает ссылку на вас?

Рыков. Да, у нас с ним было два свидания, одно в конце 1935 года, а другое в начале 1936 года.

Вышинский. Какого характера были свидания?

Рыков. Это были свидания членов сельскохозяйственной организации, борющихся против партия и советского правительства.

Вышинский. Подсудимый Гринько, расскажите о террористической деятельности.

Гринько. В этот период террористическая работа была одним из основных занятий в общем арсенале борьбы против советской власти.

Вышинский. От чего вы об этом узнали?

Гринько. От Рыкова, Яковлева, Гамарника и Пятакова.

Вышинский. Подсудимый Рыков, вы подтверждаете показания Гринько?

Рыков. Подтверждаю.

Вышинский. (обращаясь к Гринько). Откуда пришли эти террористические установления?

Гринько. От Троцкого. Я об этом знал от Гамарника.

Вышинский. Расскажите конкретно о фактах подготовки террористических актов, которые вам лично известны.

Гринько. Отказались прямо ответить о необходимости убить Вжова, как человека, наиболее опасного для заговорщиков.

Вышинский. Что значит убить?

Гринько. Убить — это значит убить.

Второй факт, который мне известен в этот период, относится к тому же периоду, это подготовка Бергашинскими из Главсевморпути террористического акта против Сталина.

Одним из заданий, которое было возложено на меня «право-троцкистским центром», являлась организация подрывной работы по Наркомфину. Это задание «право-троцкистского центра» было мне передано Рыковым, причем он подчеркнул, что руководителем центра, он в Бухарин, придает большое значение развитию подрывной работы в Наркомфине, в виду той особенной важности и политического значения, которые имеют деньги. При этом была дана бухаринская формула — ударить по советскому правительству финансовым рублем. Это мне передал Рыков и на эту тему мы говорили с Бухариным. Надо сказать, что это задание касалось «право-троцкистского центра» настолько серьезно, что Рыков был у меня в Наркомфине по этому поводу и мы совместно с ним разрабатывали программу этих мероприятий.

Вредительская работа должна быть развернута по тем финансовым мероприятиям, которые связаны с широкими массовыми населениями.

Например, в налоговом деле. То широкое выражение, которое нашли наиболее яркое выражение в денежном деле в Венгрии, являлись одной из частей этих подрывных мероприятий. И если разоблачение денежного дела не было повернуто остро против Наркомфина в тот период, то объясняется это тем, что разоблачать это дело ехал Яковлев, который в тот момент отдал удар от Наркомфина.

Большая подрывная работа была проведена в области государственного бюджета. Работа эта заключалась в подрыве бюджетной, финансовой дисциплины, к

ослаблению финансового контроля и тем самым к возможности использования государственных средств в центре и на местах для целей заговора. Вся эта работа осуществлялась мной по директивам, которые были мне даны «право-троцкистским центром».

«Право-троцкистским центром» была разработана довольно большая программа в области подрыва капитального строительства. В разработке программы участвовали Пятаков, кажется, Бухарин и я. Эта программа была направлена к тому, чтобы замедлить темпы капитального строительства, сузить масштабы капитального строительства, полностью применить бухаринскую теорию «узких мест» в капитальном строительстве.

Я участвовал также и в подрывной работе в области сельского хозяйства, осуществлял вредительские финансовые мероприятия. Подрывная работа в области сельского хозяйства «право-троцкистским центром» ставилась как очень важная задача.

Вышинский. Я хотел бы уточнить несколько вопросов. Во-первых, известно ли вам, подсудимый Гринько, о вредительской работе «право-троцкистского блока» в области снабжения населения предметами первой необходимости — хлебом и т. д.?

Гринько. «Право-троцкистский блок» осуществлял довольно большую подрывную работу в области товарооборота. По этой линии я имел прямую связь с Зеленоким. В области товарооборота Зеленоким и другие предпринимали в этой области, например Волонин по Наркомвнутрторгу, осуществляли подрывную работу, создавали товарный голод, товары задерживали в стране. Это относилось как к пищевым, продовольственным товарам, так и к товарам первой необходимости. Зеленоким, по директивам «право-троцкистского блока», в некоторые районы возводил большую массу товаров, а в урожайные районы посылал товаров меньше, что создавало завышение в одних районах и товарную пучу в других.

Вышинский. Зеленоким, вы слышали эту часть показаний Гринько? Как вы относитесь к ним?

Зеленоким. Гринько говорит правильно.

Вышинский. Объясните Рыков, что вы слышали?

Рыков. Я припоминаю, что был разговор относительно низвержения советского правительства.

Вышинский. Вы признаете себя виновным во вредительстве?

Рыков. Да.

Вышинский. Здесь Гринько говорил о военной группе измиников — Тухачевском и др., которые были в свое время осуждены Верховным Судом. Вы подтверждаете ту часть показаний, которая касается вас?

Рыков. Я знал о военной группе Тухачевского.

Вышинский. Что вы знали?

Рыков. Эта военная группа была организована независимо от блока, независимо от оттоков — троцкисты это или бухаринцы. Военная группа ставила своей целью насильственное устранение правительства Союза и, в частности, участвовала в подготовке армейского переворота.

Вышинский. Об этом вам было известно?

Рыков. Да.

Вышинский. Подсудимый Гринько, а с Бухариным вам не приходилось говорить?

Гринько. С Бухариным у меня был короткий разговор в Кремле относительно принципиальной основы подрывных мероприятий в области финансов, разговор об отрицательном отношении «право-троцкистского блока» к франко-советскому договору.

Вышинский. Бухарин не объяснял вам, почему он недоволен франко-советским договором?

Гринько. Что касается франко-советского договора, то в «право-троцкистском центре» (у меня был разговор с Рыковым, с Бухариным) было довольно широко распространено отрицательное отношение к франко-советскому договору, потому что франко-советский договор был одним из тех этапов мирной политики советской власти, который устраивал или отдала столкновение с агрессором, столкновение, на которое делал ставку «право-троцкистский блок». Расторжение франко-советского договора в целях развязывания возможностей для агрессора входило в программу «право-троцкистского блока».

Вышинский. Значит, «право-троцкистский блок» ориентировался на войну?

Гринько. Да, на войну, на военное поражение Советского Союза и на содействие агрессору в захвате власти.

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Чернов, показания, данные на допросе в предварительном следствии, вы подтверждаете?

Чернов. Подтверждаю целиком и полностью.

Вышинский. Подсудимый Чернов, сообщите суду кратко биографические сведения.

Чернов. Родился в 1891 году. Учился два года в духовной семинарии. Поступил в московский университет, где учился около двух лет. В 1916 году вступил в партию меньшевиков и оставался меньшевиком до января 1920 года, когда вступил в коммунистическую партию.

Вышинский. Это формально?

Чернов. Да.

Вышинский. А по существу?

Чернов. Должен признать, что старое меньшевистское нутро во мне безусловно сохранилось, и как только от методов ограничения партии перешли к методам наступления на кулацкие элементы в деревне, так это меньшевистское нутро немедленно себя дало знать.

Отвечая на вопрос государственного обвинителя, подсудимый Чернов показывает, что с 1927 года, когда резко обострилась классовая борьба в деревне, он начал вербовать единомышленников для антисоветской работы.

Вышинский. Вы были членом негетерогенной организации правых в 1928 году?

Чернов. Формальным моментом моего вхождения в организацию правых являлся момент после моей первой встречи с Рыковым.

Вышинский. Вас вовлек в эту организацию Рыков?

Отвечая на этот вопрос утвердительно, подсудимый Чернов показывает, что осенью 1928 года он встретился с Рыковым в Крыму. При этой встрече Чернов сообщил Рыкову, что имеет на Украине единомышленников.

Продолжая свои показания, подсудимый Чернов сообщает суду, что он получил от Рыкова указания для развертывания антисоветской работы.

Чернов. Ваша задача, говорил мне Рыков, заключалась, дескать, в том, чтобы вы свою работу вели таким образом, чтобы добиться освобождения середняка путем распространения на середняцкие массы деревни тех расприставных мор, которые правительством установлены были по отношению к кулакам. Углубляйте перебои, ослабляйте середняка, учтите особо национальное чувство украинского населения и везде об этом, что эти перебои являются результатом московской политики и таким путем мы будем и создавать наши кадры и поднимать преступление против советского правительства и против ЦК.

Вышинский. Объясните Рыков, слышите, в этой части показания Чернова соответствуют действительности?

Рыков. Я с Черновым виделся и старался убедить его в правильности моей тогдашней контрреволюционной деятельности, собиравшей сделать его своим сторонником и напел готового сторонника в лице Чернова.

Чернов. В конце 1928 года я должен был поехать в Германию на лечение. Зная о том, что в Германии живет мой старый товарищ по меньшевистской организации, я решил с ним познакомиться.

Вышинский. Кто это?

Чернов. Кирпич, с которым я переписывался до 1925 года. Перед поездкой в Германию я решил зайти в Москве к Рыкову.

Вышинский. Вы хотели узнать от Рыкова — не будет ли каких поручений по подпольной линии?

Чернов. По партийной организации. Рыков, зная меня, как старого меньшевика, поставил передо мной вопрос о том, не смогу ли я, будучи в Германии, встретиться с Дано и установить связь с ним и передать поручение от имени правого центра. Рыков дал мне поручение установить связь с Дано и передать ему поручение от правого центра.

Вышинский. Каково поручение?

Чернов. Поручения заключались в следующем: через партию второго интернационала поднять общественное мнение капиталистических стран против советского правительства, через лидеров второго интернационала добиться у буржуазных правительств усиления враждебного отношения к Советскому Союзу, заручиться от второго интернационала, а через его лидеров и у буржуазных правительств, поддержкой в случае захвата власти правыми в стране.

На это Рыков сказал, что безусловно Дан поставит ряд вопросов о силах правой организации, о том, что правая организация будет делать после прихода к власти.

На это Рыков сказал: «Вы можете записать Дана, что мы располагаем достаточными силами в стране для того, чтобы свергнуть существующую у нас власть и захватить ее в свои руки». Второе, что он указал — что я могу завлечь Дана, что правые после их прихода к власти установят правительство с учетом требований как второго интернационала, так и буржуазных правительств и пойдут на соглашение с буржуазными правительствами как во вопросам экономического порядка,

так, если потребуется, и по вопросам территориального порядка.

Вышинский. (обращаясь к Рыкову). Вы давали поручение Чернову связаться в Берлине с Дано?

Рыков. Да.

Вышинский. В каких целях?

Рыков. Насколько я помню, было две цели: во-первых, освещенные в заграничной печати положения в деревне, необходимость крестьян...

Вышинский. В какой печати?

Рыков. Я не перечисляю ни партий, ни газет, имея в виду печать и социалистическую и буржуазную.

Вышинский. И меньшевистскую?

Рыков. В частности, и его.

Вышинский. А чтобы сказать, вам вообще не приходилось за этот период времени заниматься в «Социалистический вестник» какие-нибудь корреспонденции, неосредственно или через кого-нибудь?

Рыков. Я давал материал.

Вышинский. Этот материал был тенденциозно подобран?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Может быть клеветнического характера?

Рыков. Тенденциозный и клеветнический, одно переходит в другое очень легко. **Вышинский.** Одним словом и то и другое. Вы в то время занимались деятельностью?

Рыков. Я в то время был председателем Совета Народных Комиссаров Союза и РСФСР.

Вышинский. Подсудимый Чернов, вы утверждаете, что основная задача и основное поручение, которое давал вам подсудимый Рыков, заключалось не столько в информации, сколько в получении помощи со стороны враждебных СССР империалистических государств, — вы так утверждаете?

Чернов. Да, да, утверждаю. Я повидался с Дано, сообщил поручение от правого центра и получил ответ не сразу, потому что Дан сказал, что сразу он не может дать ответ, а должен посоветоваться с руководителями второго интернационала. Через несколько дней при второй встрече я получил от Дана положительный ответ на все эти вопросы.

Вышинский. Продолжайте, подсудимый Чернов.

Чернов. Я еще забыл сказать о том, что получил поручение создать правую организацию из моих знакомых, если таковые имеются среди сотрудников торгпредства и подпредства в Германии, что я тоже выехал по приезде в Германию, встретиться с Яновичем. По приезде в Берлин я встретился с Кирпичом. Мы условились, что Кирпич устроит мне встречу с Дано в Кенигштейне, куда я поехал для лечения, и встреча в Кенигштейне состоялась. Я рассказал Дано относительно положения внутри Советского Союза, в мартовских аркадах описал положение сельского хозяйства на Украине и передал Дано все поручения, которые я от правого центра, в лице Рыкова, получил.

На это мне Дан ответил, что если правая власть и захватит, то удержать власть хоть сколько-нибудь длительно без надлежащей помощи и прежде всего без помощи вооруженных сил капиталистических государств не удастся. Кроме того, вы должны, дескать, вести свою работу таким образом, чтобы подорвать экономическую и политическую мощь Советского Союза. Причем как сейчас помню выражение, которое мне было допущено, что вы, говорит, не должны останавливаться ни перед какими средствами. Тот, кто борется за свержение власти и останавливается перед тем или другим средством, является политическим маньяком, и нужно капиталистическим государствам оказывать помощь в их борьбе против Советского Союза уже сейчас. Вот результаты встречи с Дано.

Вторая встреча с Дано состоялась на квартире Кирпича. Дан сказал, что он успел связаться с лидерами второго интернационала, и просил меня передать Рыкову о том, что лидеры второго интернационала вполне принимают те предложения, которые я им от имени правого центра передал.

После беседы с Дано, происходившей, как я сказал, на квартире Кирпича, Дан сказал, а мы с Кирпичом остались ужинать. После ужина я должен был поехать на вокзал. За ужином сильно выпили. Кирпич, сославшись на какую-то особую занятость, сказал, что не может меня проводить на вокзал, посадил меня в автобус и я поехал для того, чтобы отправиться обратно в Кенигштейн. В автобусе, в котором я ехал, то мне пришло несколько немцев. Один из них меня толкнул, а его тоже в свою очередь толкнул.

Вышинский. Ну и что же случилось?

Чернов. Случилось то, что меня схватили тут немцы, остановили автобус, пересаживали в такси и повезли в полицию-представую. Я в полицию-представую простоял и требовал, чтобы меня выпустили. Мне сказали, что я должен дожидаться утра и прихода начальства. Я переночевал там. Утром явился полков-

ник Обергауз. Он вынул протокол, передал мне его, и обвинил в извещении немцев и в том, что я должен открыть как уголовный преступник. А кроме того копировать этого протокола, сказал мне, направляет в ваше подпредство. И тут же предложил мне стать сотрудником немецкой охраны, немецкой разведки. Я отказался.

Тогда Обергауз сказал, что я, дескать, знаю кое-что о ваших делах в Германии. Я спросил, что? Он ответил, — о ваших встречах с Дано, и показал мне несколько фотографий, встретил с Дано, снятых как в Кенигштейне, так и в Берлине и, кроме того, передал мне коротко содержание беседы с Дано. Прочел в этом изложении было ясное повторение слов Дана. Тогда для меня стало абсолютно ясно, что та лопая меня, которая происходила в Германии, организовывалась немецкой разведкой при полном содействии самого Дана и при участии Дана, и что сам Дан безусловно являлся агентом немецкой разведки, равно как Кирпич.

Я дал согласие. После этого начался формальный, анкетный, подписание. Обергауз проинструктировал меня о той работе, которую я должен вести в Советском Союзе в пользу Германии. При чем, видя то волнение, в котором я находился, он говорил: — вы напрасно волнуетесь. Вы боретесь против советской власти и мы боремся против советской власти и наше дело — методы нашей борьбы в ближайшее время обдумать.

Вышинский. В чем выразилось ваше сотрудничество с германской разведкой?

Чернов. Мне советовал Обергауз, во исполнение приказа, не расширять сильно связь с правыми, а держать связь с ограниченными количеством людей и закрывать эту связь. Сначала ко мне никто не являлся. Прошло несколько месяцев и у меня произошла встреча с представителем немецкой разведки.

Вышинский. Как же она произошла?

Чернов. Я работал тогда, не помню, заместителем наркома или членом коллегии Наркомторга. Ко мне позвонили из информбюро Наркоминдела и сообщили, что корреспондент немецкой газеты «Берлинер Тагеслаут» Пауль Шефер должен со мной поговорить по вопросам информации. Действительно, через некоторое время ко мне явился Шефер и сказал, что он являлся от полковника Обергауза и называл свое имя «Рейнгольд». Это была моя личная как немецкого шпиона.

Я спросил Шефера, что требуется полковнику Обергаузу? В данное время он потребовал от меня информацию по вопросам индустриальной жизни, по вопросам состояния работы среди правых, троцкистов, о положении в деревне. Кроме этого, потребовал специальные сведения о запасах промышленных товаров. Особенно интересовался он запасами промышленных товаров в торговле. Потребовал сведений о ходе хлебозаготовок и о мобилизационных запасах хлеба. Одну часть требуемых сведений — об информации положении в партии, о работе среди правых — я ему тут же передал словесно, а сведения цифрового порядка передал ему через несколько дней.

После этого у меня был ряд периодических встреч с Шефером. Я передавал ему для немецкой разведки информацию и через него получал от немецкой разведки указания об организации вредительской работы. Основное задание, которое немецкая разведка мне тогда дала, заключалось в том, чтобы организовать порчу хлеба в стране. Для этого надо было задержать строительство складов и элеваторов, чтобы создать распыл между расходуемым хлебозаготовками и складской емкостью и тем самым, как говорил Шефер, добиться двух вещей: во-первых, самой порчи хлеба и, во-вторых, вызвать ослабление крестьян, которое неминуемо, если они видят, что хлеб гниет. Требовалось также организовать полное заражение хлебных складов амариными вредителями и, особенно, клещом. Шефер особое внимание уделял в организации заражению амариными вредителями и клещом мобилизационных запасов. Эти задания, полученные от Шефера, мною выполнялись.

Моя связь с представителями немецкой разведки была восстановлена уже тогда, когда я перешел на работу в Комитет заготовок. Шпионско-вредительская работа особенно усилилась с моим назначением наркомом. Через несколько месяцев после назначения меня в Комитет заготовок явился некий Райнд, мой товарищ по меньшевистской организации в Иваново, работавший в Наркоминделе в течение длительного периода. Мы с ним изредка встречались, поэтому я не упустил случая, что он зашел ко мне в Комитет заготовок. Но когда мы с ним остались в кабинете одни, он сказал: «Нам надо с вами серьезно поговорить, Рейнгольд». Этим было все расшифровано, все стало ясным. Оказалось, что Райнд является резидентом немецкой разведки в Советском Союзе и получил от Обергауза указание — установить со мной связь. Мы встретились с Райндом неоднократно.

(Продолжение см. на 3 стр.)

* Печатается по сокращенной стенограмме ТАСС.